вели на «Мосфильме», Дима просто не успел. Сын сейчас живет в Нижнем Новгороде у бабушки.

— Вы отправили сына в Нижний, чтобы оградить его от актерской или столичной жизни?

— Ни то и ни другое. Мы с женой оба приезжие, и, пока мотались по съемным квартирам, сын жил у бабушки. Он ходил в садик, а закончив его, со всей группой перешел в первый класс. Эта школа в Нижнем очень хорошая, в ней до 4-го класса у детей развивают всякие способности. И мы решили, что пока он там поучится, а после 4-го класса переедет к нам в Москву.

— Обычно все, наоборот, рвутся в столицу...

— А что делать? Сын не хочет уезжать, потому что у него там друзья. Я его понимаю. У меня примерно такая же судьба была. Мы с родителями жили в Монголии, а потом переехали в Иркутск. И мне было очень тяжело менять привычную обстановку, заводить новых друзей. Боюсь, что у Димки будет то же самое. Но доучиться же нужно.

— Вы живете в Москве около 12 лет. Уже чувствуете себя москвичом?

— Честно? Нет. Вот недавно мы ездили на гастроли в Иркутск, и я все время думал: вот я и дома. Хотя на самом деле уже и не смог бы там жить. Я привык к московскому ритму жизни, к тому, что нужно постоянно крутиться и вертеться. Я ведь когда во ВГИК приехал поступать, сразу в этот водоворот попал. Это просто чудо, что на экзамен успел. Прилетел, на метро добрался к другу до общаги. Он мне тут же с порога: «Давай быстрее, там последних 10 человек прослушивают». Я переоделся в свой единственный костюм — и бегом в институт. Чуть ли дверь рукой не придерживал, чтобы ее перед моим носом не закрыли *(смеется)*.

— Чем удивили Москву и профессуру?

— Наверное, тем, что получил «два» по литературе. И это при том, что приехал поступать с красным дипломом Иркутского театрального училища *(смеется)*. Я не ответил на вопрос про Цветаеву, и тогда меня попросили что-нибудь прочесть из нее. Я не смог. Две женщины, принимавшие экзамен, настолько оскорбились, что на следующем же вопросе — по «Мастеру и Маргарите» — завалили меня. Нашим педагогам Голикову и Киндинову пришлось упрашивать их, чтобы поставили мне «три».

— А чем вас удивила столица?

— Я очень долгое время боялся Москву, никак не мог к ней привыкнуть. В самом начале учебы у меня был один маршрут: ВГИК—общага, общага—ВГИК. Но постепенно втянулся, обзавелся друзьями...

— И стали гулять на полную катушку?

— Как все студенты. На стипендию, естественно, прожить было невозможно. Помогали родители, однокурсники-москвичи подкармливали, но и голодать приходилось. Как-то нам Евгений Арсеньевич Киндинов подогнал куль риса, и мы его около трех месяцев ели. Чувствовали себя китайцами. Это позднее у меня появились рекламные фотосессии, за которые я получал безумные по тем временам деньги — 20 долларов в день. Вот тогда мы шиковали.

— Знаменитые сибирские пельмени готовили?

— Когда жил с мамой и папой, то садились все вместе и лепили. А в общаге — нет. Не было возможности. Но к водке обязательно пельмени покупали. Они, по-моему, так и назывались — «Сибирские»; не особенно вкусные, но закусывать ими можно *(смеется)*.

Во время съемок Александр Бухаров (Волкодав) защищал Оксану Акиньшину (кнесинка Елень) настоящим мечом. Все оружие было сделано специально в трех экземплярах: макет, настоящее тяжелое оружие и легко складывающееся для съемок боевых сцен.

Владимир ЧИСТЯКОВ